

БЕРЕЗОВЫЙ СОК

рассказы

Когда я учился в старших классах, часто самостоятельно ездил в деревню, практически каждые выходные, не говоря о каникулах. Старички наши, бабуля с дедом, тогда еще животинку кое-какую держали: кур, коровку да порося или теленочка на откорм до зимы. Молоко, сметанку, творог, яйца, мясо — все для детей да для внуков, все — в город. Для города-то самое начало девяностых — голодное время было. А так — просто для себя — не стали бы старики хозяйство вести — годы-то уже не те. А мне, старшему внуку, как говорится, сам бог велел помогать им хотя бы по выходным: сена натаскать, навоз выкидать. С дедулей, помню, договаривался: мол, ты, дед, на неделе только за окошко из коровьего-то стойла навоз откидывай, а я в выходной приеду и все перекидаю от окна в компостную кучу специальную.

Михаил ЯКОВЛЕВ

г. Раменское,
 Московская область

Все полегче старику, а мне-то, молодому, за радость — лучше любого спортзала такая физкультура. Дров поколешь еще — тоже все мышцы прокачаешь от пяток до макушки, тогда еще газ не проведен был к частным домам, вот наколешь да наносишь в дом к печке.

Сидишь потом, помню, наработавшись с непривычки-то городской, руки-ноги гудят, а усталости никакой не ощущаешь. Смотришь на стариков да радуешься: как им приятно — внук приехал. Наговорятся со мной за чаем, все поразузнают, как там, в городе, мама с папой, братья как, как учеба да друзья мои, которых дедуля с бабушкой в большинстве своем знали. Да сами порасскажут, как у них что тут в деревне. А после обеда и дедуля со мной выйдет — не сидит на месте — я дрова колю, он понемногу в дом носит, что-нибудь да делает. Потом смотрим, бабушка пошла в магазин к ужину что-то прикупить. Все в делах — и так это приятно, думаешь: что сделал? Да ничего, просто приехал, а старикам — радость, и суетятся ради этого.

Самому становится как-то на душе светло. Получается, приехал им помочь по хозяйству, а помогают они мне. Уезжаешь — силищу такую в себе чувствуешь — на все готов и все ни-почем.

Как-то весной, когда мне было, кажется, лет тринадцать или четырнадцать, я, как обычно, приехал в деревню. Был тогда апрель, наверное, в самом своем начале. По привычке встав с утра рано, тихонько, чтобы не побеспокоить стариков, хотя и знал, что уже не спят они, вышел из комнаты в сени, где с закрытыми глазами знал, какие половицы скрипят, какие нет. Старался не греметь дверью, а точнее длинной старинной дужкой, на которую запиралась когда-то дверь из сеней на террасу. На терраске натянул рези-

новые сапоги, которые норовили с грохотом вырваться из рук на деревянный пол, накиннул хэбэшную, как называла бабушка любую легкую одежду, ветровку и вышел на крыльцо.

На улице было светло, хотя солнце еще не поднялось из-за горизонта. А может, уже и оно выглянуло, понять этого я не мог — весь двор был залит, будто парным молоком, туманом. Пару минут постояв на крыльчке, всматриваясь в ту сторону, куда хотел пойти, и тщетно пытаясь разглядеть очертания калитки, я сошел со ступенек. Видно было во все стороны шага на три, не больше. Указателем служила тропинка, выложенная кирпичом. Белые и красные, они были расположены дедушкой каким-то чудным, непонятным мне узором. С детства я старался каждый раз идти по кирпичам одного цвета. Тем утром шел по красным — их в тумане было лучше видно, стараясь не ступать на белые, ассоциировавшиеся с туманом, занявшим все пространство вокруг.

За калиткой красные островки тропки кончались. Снег почти весь сошел, лежал лишь кое-где в низинках да в тени деревьев и кустов — это я заметил еще вчера вечером, только приехав. Сегодня же ощутил твердую, еще мерзлую с ночи землю, голую, без травы — ее черноту было хорошо видно и в тумане. Но, несмотря на то что землю было видно, ступать приходилось осторожно, чтобы не повредить ногу. Кочки, ямки, неровности земли, замерзшие за ночь, представляли опасность для неопытного деревенского пешехода: земля непривычно прогибалась и пружинила под ногой, неожиданно выставляла вверх твердую острую оконечность, с которой нога легко срывалась то в левую, то в правую сторону. Можно было легко подвернуть ногу, а то порой и свернуть шею, если не удержать равновесие и упасть.

Идти было недалеко, метров двести, до конца оwinницы, где на небольшом пригорке росли три березы, посаженные дедушкой когда-то лет тридцать назад. На мое удивление, туман на оwinнице был не такой густой — на просвет было видно небо вдаль, кое-где были видны кусты ивы, росшие по краям нашего небольшого поля. Скорее всего, не туман был другой, просто в замкнутом пространстве двора рядом с домом не было никакого просвета, а здесь, наоборот, не было стен.

Подойдя к березам, я увидел, что оставленные

мною с вечера нехитрые приспособления на месте. Каждую весну, как только сходил почти весь снег, дедушка набирал для нас с братьями березовый сок. Со временем стал брать нас с собой за соком. А теперь вот я сам. Забрался на несколько метров вверх по сучкам, надрезал один не очень толстый, чтобы пролез в горлышко бутылки, надел бутылку на него и привязал эту несложную конструкцию к стволу, оставив до утра. Сейчас же, добравшись до бутылки, я увидел, что она полна до краев, и, видимо, уже давно — по бересте текла тонкая струйка сока. Как я любил тогда, прислонившись к стволу, вдыхать запах оживавшей со всей весенней природой березы. Кажется, даже сейчас слышу аромат бересты.

Сняв бутылку, я заклеил порез на сучке, чтобы через него дерево не теряло свои силы напрасно. На всю жизнь запомнился мне первый поход за березовым соком, когда дедушка не только показал, как собрать сок, но и рассказал, что у дерева корни повторяют крону, только под землей. Все равно что перевернуть дерево вверх ногами. Что всеми этими подземными веточками береза впитывает соки земли, поднимает их наверх, напитывая почки, давая новую жизнь готовым скоро появиться листьям. Потому и заклеивал, помню, дедушка то сучок, то ствол. Из чего сок наберет, то и подлечивает потом.

Именно тогда я впервые задумался и сильно удивился тому, как же зимой дерево будто умирает, становясь бездушной замерзшей деревяшкой, а весной снова оживает. Пусть не умирает, конечно, но как оно переживает русскую зиму с сильнейшими морозами, я точно понять не мог. Дедушка тогда мне сказал, что где-то в корнях, видимо, и сосредоточена жизнь дерева зимой, а летом, когда тепло, она поднимается с соком вверх и распускается в виде листьев.

Каждой весной, снимая новый урожай сока, я вспоминал об этом и размышлял о природе, ее законах. Теперь понимаю, что мысли эти не отпускали меня из-за своей глубины, фундаментальности — все мы живы за счет своих корней, напитываясь от них живительной силой, мы оживаем после любых холодов житейских проблем. Не только растения, но и люди сильны тем, что есть у них свои, человеческие, корни: родители, дедушки и бабушки, история семьи. Не потому ли и я, приезжая каждую неделю к своим старикам, уставая от физической

работы, уезжаю всегда из деревни полным сил, просветленным душевно, будто попив не березового сока, а какой-то живой деревенской водой напитавшись от корней своих.

Задумавшись, казалось, на минутку, я и не заметил, как, только поднявшись, солнышко начало немного припекать, что туман почти рассеялся и стал виден наш дом на другом

конце овишни. А начавшая оттаивать мерзлая с ночи земля поблескивала каплями талой воды на солнце, заставляя меня то и дело шуриться. Пряча глаза от солнечных зайчиков, я пошел домой. Мне думалось, что там наверняка уже приятно пахнет бабушкиными оладьями, дедушка наливает горячий чай и, когда я приду, мы все вместе сядем завтракать.

Алеутские острова

Моему деду

— Но, милые, но! — прикрикивал дедушка на лошадей, сидя вместе со мной в сани. — Ты посмотри, Павёлко, Рыжуха, справа то которая, всё головой мотает, словно недовольна чем. В другой раз давай сахару принесем ей, а то она всю езду расстраивает.

— Деда, зато Воронок смотри как бежит.

— Коренной-то? Да, этот всех сегодня ведет. Да только если пристяжные-то будут баловать, далеко мы с тобой не уедем...

«Так катались мы с дедушкой на санях, запряженных тройкой лошадей, то по зимним заснеженным полям вокруг нашей деревни, то по холмам, то по оврагам. А больше всего мне нравилось съезжать с горки, когда дедушка сажал меня к себе на коленки, чтоб не вылетел я из саней, обнимал меня крепко, и только ветер кидал мне крупинки снега в глаза. Я зажмурился, и мы мчались вперед», — рассказывал о своем детстве мой друг Пашка. А Павёлко — это его только дедушка так звал, который любил всякие такие имена и слова придумывать, которых никто не знает.

Сдружились мы, я и Пашка, в возрасте лет семи-восьми, оказавшись в одном первом классе. Сидели за одной партой и даже внешне были тогда чем-то похожи: два невысоких пухляка с одинаково большими голубыми глазами, одноклассники первое время нас различали только по причёске, я челку направо зачесывать пытался, а

Пашка — налево. Жили рядом, в школу, из школы — вместе, гуляли вместе, всё — вместе. Любили мы сидеть после уроков то во дворе, то дома у кого-то из нас и вспоминать что-нибудь интересное из совсем, как нам казалось, далекого нашего детства, которое было еще до школы и нашей дружбы. Вот Пашка и описывал свои приключения в деревне у деда с бабушкой. И все бы ничего, да только друг мой, Пашка, необычный.

Точнее, дедушка его. Ну, ладно: катались они зимой на санях, запряженных тройкой лошадей. Да еще и в деревне. Что в том такого? Так в том и было все чудо: Пашка с таким задором рассказывал свои истории, описывал, казалось, все происходящему, а оказалось...

Оказалось, что ходили они с дедом гулять, когда Пашке было лет пять примерно. На окраине деревни, рядом с заброшенным сараем, стояли давно никем не использовавшиеся старые-престарые сани, деревянные и с деревянными же полозьями.

— Сани-то, понимаешь, — сам удивляясь, рассказывал Пашка, — старые, да не простые какие-нибудь дровни, в которых только дрова да сено и возили, а люди в таких санях если только сверху как-то примостятся да так и едут. Нет, наши-то сани были как карета, только без крыши, с виду будто резные, а внутри сиденье есть. Подойдет дедушка, рукой погладит сани, по полозьям постучит, будто проверяет, а потом довольно скажет: «Вот той зимой, Павлушка, я полозья-то укрепил, видишь, по подошве-то деревянной полоску железную пустил. Это, выходит, чтоб полозья крепче были да скользили лучше».

В сани эти дедушка сажал внука, забирался сам, и они катались...

— Настолько заразительно дедушка все придумывал, — говорил Пашка, — что я верил. Я и сейчас иногда сомневаюсь, что было на самом деле,

а что нет. Понимаю, конечно, что лошадей никаких не было, но, когда закрывал глаза, чувствовал снег, бьющий мне в лицо, и слышал дедушкино: «Но, родимые!», то казалось, что сани наши и вправду плавно скользят по широкому бескрайнему снежному полю. Дедушка еще и сани начнет раскачивать, будто мы на ухабах снежных трясемся. А то бывало в сторону наклоняется резко и меня за собой влечет, будто мы на повороте чуть из саней не валимся. А сам со смехом приговаривает: «Эй, потише, соколики, на поворотах-то, Павлушку не выбросьте из саней». А сани наши как стояли у старого сарая, так и стоят все это время. Вот так и катались.

Как мы с Пашкой смеялись каждый раз, когда он рассказывал это, надо было видеть.

А то была у них с дедом другая забава. Дед до пенсии работал в деревне, в колхозе, значит, главным механиком. То есть главным по всякой технике: по тракторам, комбайнам, сеялкам. Да и выйдя на пенсию, знал все о своих железных конях. Так и говаривал порой, мол, в детстве он пахал на живом коне, а вот теперь пашет на железном.

Работает где-нибудь неподалеку от дедушкиного дома техника, трактор например, дорогу ровняет, дедуля ведет туда внука. Стоят в сторонке — Пашке радость: вблизи на трактор работающий смотрит. Рабочие — на обед, а старый да малый в трактор забираются. Деда же все знали, и молодые трактористы не отказывали ему в просьбе показать внуку технику изнутри.

— До сих пор, — говорил Пашка, — помню запах в тракторе — смесь соляры и машинного масла. Как мне нравился этот запах тогда — не описать. Запах, связанный с ожиданием чего-то, что вот-вот сбудется, что сядем сейчас с дедом, мотор заревет — и поедем куда-нибудь далеко. А трактор гусеничный: в кабине два рычага да педали — и всё. Одним рычагом управляешь правой гусеницей, вторым — левой. На месте можно крутиться, когда одна гусеница не двигается, а другая едет. Вот сперва мне дедуля все покажет да расскажет, а потом мы на тракторе-то, как на санях, и катаемся. То есть трактор-то на месте стоит, а мы, значит, то поле под пшеницу распаиваем, то будто мы не на тракторе вовсе, а на танке, фашиста воюем. Ох, и выдумщик же дедуля у меня был.

Было время, мы с Пашкой чуть не каждый

день после уроков смеялись над его рассказами об их с дедом путешествиях. Теперь я уже теряюсь — может, друг мой что-то и от себя прибавлял к этим вполне правдивым историям. Придумывал то есть. Да и повод так думать у меня появился в скором времени. Как-то раз учительница наша вызвала родителей Пашкиных в школу. А мы с ним только-только, буквально несколько дней назад, в составе школьной команды соревнования шахматные выиграли в районе, в пример нас ставили перед всей школой, хвалили, а тут такое происшествие.

Писали мы сочинение тогда на днях. Какое-то вроде несложное, о семье. Кто предки твои, надо было описать. Кто кем был да кем сам хочешь быть — все в таком духе. А Пашка возьми да и выдай: мол, дедушка его — вождь племени алеутских индейцев, что сам он, Пашка то есть, все каникулы проводит на родине своей исконной, на Алеутских островах, значит, живет там в землянке, одной для всего племени, ест юколу, рыбу то есть вяленую по-ихнему, охотится на тюленей. И когда вырастет, то выучится на строителя, поедет туда на острова да будет там для алеутов дома строить, а то, говорит, в землянках так и живут, а он им, выходит, прогресс туда привезет.

И так он расписал, помню, все это подробно, мы с ним потом перечитывали его творение на спортивной площадке за школой и буквально катались по траве от смеха. А когда учительница оценки объявляла за сочинение, Пашку не назвала, зато после уроков в дневнике его написала послание родителям, чтоб те в школу пришли.

Пришел отец. Пашка решил дожидаться его у школы. Я, конечно, не мог оставить друга одного ждать исхода всего этого дела. Мы ведь толком и не знали, что там учительница надумала. Но ужасно боялись — само собой. Боялись, что влетит Пашке по полной за подобную импровизацию. Когда через полчаса, показавшиеся нам мучительно долгими, отец вышел из школы, мы стояли хмурые, опустив головы вниз, ожидая страшного родительского гнева. Я сам трясся, будто это мой отец и попадет сейчас мне. А он подошел, улыбнулся, потрепал Пашку по волосам и сказал: «Ну ведь прямо как дед. Сказочник ты наш». Тогда мы ничего не поняли: то ли учительница ничего не рассказывала, то ли отец не увидел в случившемся чего-то страшного, заслуживающего наказания.

Как выяснилось позже, папа сказал учительнице, что фантазировать и выдумывать — это, вообще говоря, для ребенка естественно и даже очень хорошо, но, конечно же, это не должно мешать его учебе. И пообещал направить фантазию сына в нужное русло.

Надо сказать, взялся отец за это сразу и всерьез. В тот же вечер он посадил Пашку за стол, дал ручку, чистую тетрадку и велел писать. Для начала написать об алеутах, а потом — что сам захочет. И продолжалось это с завидным постоянством. Отец принялся за сына будто за спортсмена: каждый день ему давалось некоторое время для тренировки, а именно для того, чтобы тот писал. Кажется, у них даже какая-то программа была: в будни Пашка писал на свободную тему, по выходным описывал то, что они с родителями видели в музее, театре, зоопарке, где бы ни были — надо, значит, написать сочинение-отчет.

В итоге, постоянно развивая фантазию и умение излагать мысли на бумаге, мой друг к двенадцати годам написал свой первый научно-фантастический роман. Отрывок даже напечатали в журнале «Юный техник». Тогда же он, бывало, писал стихи. Потом писал сказки для своей младшей сестренки, с которой ему приходилось частенько сидеть вместо гулянок с ребятней во дворе. А сейчас он мечтает поступить на филологический факультет. Говорит, что будет изучать литературу, может быть, станет собирать сказки, записывая их у стариков, кто еще что-то рассказывает. Те, что де-

душка его знал да в свое время рассказывал, он сразу переписал.

И обязательно собирается Пашка в экспедицию на Алеутские острова. Хотя и узнал, что острова эти вместе с Аляской Россия продала Америке еще при императоре Александре II и что вряд ли там мог родиться его дедушка, прадедушка да и прапрадедушка тоже. Но эта недоступность еще больше манит его. Побывав там, Пашка собирается написать повесть о жизни маленького мальчика индейца-алеута — о том, как этот мальчик растет под руководством старого вождя их племени, как рассказывает мудрый индеец своему ученику легенды о том, откуда пришли алеуты, как жили в давние времена, как охотились, когда не было еще современного оружия, в каких богов верили, пока не приняли христианство. А еще в своей повести расскажет Пашка, как старый вождь водит мальчика на море. Как плывут они на байдаре, мальчик закрывает глаза и чувствует, как дует сильный ветер с открытого моря, как качает их на волнах, как брызги соленой морской воды попадают ему на лицо...

...И, несмотря на то что байдара стоит на берегу и по нос закопалась в песок, совсем не думая о том, что волны создает старый индеец, раскачивая байдару из стороны в сторону, чудятся мальчику-алеуту бескрайние морские просторы и высокое голубое небо с кричащими в нем крачками...

□

Михаил ЯКОВЛЕВ

родился в 1979 году в Ярославле.

В 2001 году окончил физмат педагогического университета

(ЯГПУ им. К.Д. Ушинского),

в 2005-м — Институт профессиональной оценки

(Финансовая академия при Правительстве РФ, г. Москва).

В данный момент учится в Литературном институте

им. А.М. Горького (семинар прозы А.Н. Варламова).

Лауреат конкурса «Северная звезда — 2013»

в номинации «Проза».

Дебют в «Севере».

